

ВЫСТРЕЛ В СУНДУКЕ

Как происходит потеря индивидуальности, каким образом человек ожесточенно и бесследно разрушает в себе самый драгоценный дар природы — свое «не общим выраженьем» отличающееся лицо? Поразмышлять над этими трагическими вопросами предлагает **Анна Зиновьева** — режиссер и педагог выпускного актерского курса **Новосибирского театрального института** (мастерская **Ильи Панькова** и **Алексея Крикливого**) в своем спектакле «**Аккомпаниаторша**». Это работа свободного полета и глубочайшего смысла, и послевкусие от нее столь насыщенное, что вряд ли когда его чем-то можно будет перебить.

Повесть «Аккомпаниаторша» — одна из самых известных в прозе **Нины Берберовой** (есть даже одноименный фильм **Клода Миллера** по мотивам, не сохранившийся, однако, никаких

мотивов). Скажу еще, что и вся проза Берберовой 30-х годов необыкновенно привлекательна: ее живой материал ведет за собой автора, нет пока самоуверенной поступи этой «железной женщины» от литературы, которая отличает «Курсив мой», где она, спустя 37 лет после «Аккомпаниаторши», признавалась: «Всю жизнь любила победителей больше побежденных и сильных более слабых». Меж тем «Аккомпаниаторша» наперекор всему, в том числе и убеждениям автора, вызывает невероятное сострадание именно к побежденной — к заглавной героине Сонечке Антоновской. Берберова тонко чувствует жизнь, а жизнь так пластична, и роли в ней так неустойчивы, что победители иногда оказываются жертвами. Так произошло с мужем Марии Николаевны Павлом Федоровичем — когда-то несомненным победителем с «тяжелой

Сонечка — М. Королёва

жизненной хваткой»... Но кроме предписанных нам «ролей» есть еще живая, настоящая любовь — если она без привнесений и зависти, вот она-то и побеждает все.

Любви, однако, у Сонечки ни к кому не было. В первую же встречу она признается Травиной, что никого не любит. Действительно, у нее отсутствует любовь даже к матери: ведь, как она полагала, они с матерью были «позором» друг друга. Встреча с роскошным сиянием Травиной ввергает Сонечку в состояние восторга-ненависти и полной психологической созависимости. В повести Берберовой эти первые впечатления переданы на противопоставлениях: «...она красива, а я нет. У нее высокий рост, свободно и естественно развитое сильное и здоровое тело, а я маленькая и сухая... У нее круглое красивое лицо, большой рот, улыбка неизъяснимой прелести, черные с зеленым отливом глаза — у меня глаза светлые, лицо треугольное, скуластое...». И так далее — вплоть до обозначения того состояния, в котором она дрожит, «как дрожат ночные насекомые в солнечном свете».

Спектакль красноречиво передает эти противопоставления пластическим языком через сценические образы и мизансцены. Любовь позже сверкнула чистым лучом на пасмурном небосклоне этой с детства закомплексованной девочки, но созависимость победила. Об этом, впрочем, позже. А сейчас, думаю, пора сказать главное: в спектакле удивительным образом не была потеряна ни одна интонация, ни один волнующий эпический момент замечательной повести, даже композиционные точки сохранены. И все же перед нами произведение совершенно другого рода — театральное, мощное, энергетически сжатое в единую динамичную пружину, которая к финалу разжимается и бьет наотмашь.

Это продуманное и выстраданное режиссерское высказывание. Внутрен-

Сонечка — М. Королёва, Мария Травина — А. Юсупова

ние рефлексии и монологи переходят в активный драматизм событий, снова уходят в монологи и властно вплетают зрителя в тугую клубок действия, которое ты видишь изнутри, а совсем не со стороны зрительного зала. И ведут тебя за собой всего три главных исполнительницы — выпускницы вуза **Марина Королёва** (Сонечка), **Алина Юсупова** (Мария Травина) и **Ксения Войтенко** (мать Сони, Студент и Павел Федорович). В то же время, вся история души Сонечки озвучивается этим превосходным исполнительским составом, артистично выводящим сюжет на уровень эпической остраненности и одновре-

Мама Сонечки – К. Войтенко, Мария Травина – А. Юсупова

менно сберегающим аромат берберовской прозы.

Однако безусловная солирующая роль в этом ярком трио принадлежит Марине Королёвой – вполне состоявшейся в этой роли драматической актрисе, самоотверженно, на разрыв аорты пережившей на сцене всю страшную историю саморазрушения своей героини. Она то превращается в неказистую замарашку, то светится тусклым светом отражения блистательного объекта своей любви-ненависти певицы Травиной, то сияет подлинной красотой – в недолгий период любви к Студенту, так безжалостно высмеянному все той же Травиной... Невозможно передать виртуозные режиссерские находки, раскрывающие всю бездну трагизма этой истории. Тема заявлена – с первой секунды – решительно и экспрессивно. Сонечка пишет на планшете: «Убить», а дальше вариации этой темы – в какой момент и

кого. Но убивает, в конечном счете, себя. В захлопнутом сундуке ограниченного пространства ее жизни раздается финальный выстрел.

Прекрасна и музыкальная партитура спектакля (звукооператор **А. Султанов**). Она состоит из мелодий **Рахманинова** и **Шлиппенбаха**, **Бетховена** и **Лигети**. Но контрапунктом звучит «**Песня Сольвейг**» **Грига** – пронзительная мелодия безусловной любви – той самой, которой нет у Сонечки. Она лишена главного – осознания себя и своей личности, она не ценит в себе ничего – даже чувства музыки, своего дара аккомпанировать (сопровождать музыкой, а не прислуживать в отношениях). В спектакле, как и в его литературной основе, есть еще один герой – некий композитор Митенька, нелепый в жизни, гениальный в музыке. Это подсказка для Сонечки. Подсказка судьбы, которую она не слышит: ведь она живет не своей жиз-

Сонечка – М. Королёва,
мама Сонечки –
К. Войтенко,
Мария Травина –
А. Юсупова

ню. Митенька пишет романы на стихи **Велимира Хлебникова**, и сама Сонечка в одной из сцен сомнамбулически читает нежного хлебниковского «Кузнечика»: «Крылышка золотописьмом тончайших жил...» В беспредельности своего самоуничтожения она отнесла себя к насекомым, но ведь насекомые могут быть и такими – колоритными бабочками, грациозными кузнечиками и прозрачными стрекозами! Но насекомые Сонечки в кульминационной сцене пре-

вращаются в отвратительных мелких бесов, которые ее же и поглощают.

...А вот таким шикарным особям, как Мария Николаевна Травина, ничего не делается: эти неуязвимые «саламандры судьбы и василiski счастья» беспрепятственно шагают по жизненному пути, устланному добровольными жертвами в их честь.

Галина ГАНЕЕВА
Фото Юлии БАРСУКОВОЙ